

53. КРАСНЫЙ ЧЕРНЫЙ ЯЩИК

Когда падает и разбивается самолет – непременно ищут черный ящик. В нем скрыты причины катастрофы: ритм самолетного двигателя, переговоры экипажа с диспетчером и между собой, последний мат, последнее прощай...

Чтобы черный ящик легче было обнаружить в обломках, в лесу, в земле, в воде, его покрасили в яркий оранжевый цвет. Оранжевые черные ящики упорно ищут в эти дни в гигантских кучах бывших нью-йоркских небоскребов, на дне Черного моря, в горах Чечни – там, где произошли очередные авиакатастрофы. Ящиков пока не нашли, причины трагедии остаются нерасшифрованными, неясными.

Ищут черные ящики и в Беларуси, где только что переизбрали президента. Поиском занимаются те представители белорусского народа, которые считают прошедшие президентские выборы национальной катастрофой. Ищут – и находят. Агентство БелаПАН сообщило, что в Северном микрорайоне Барановичей у здания участка для голосования возле мусорного бака обнаружены непогашенные бюллетени. 150 штук! На бюллетенях отсутствуют подписи членов избирательной комиссии. Следовательно, эти бюллетени не были учтены специальным актом.

Просто взяли и швырнули бюллетени в мусор. Смело, нагло, безнаказанно. Следовательно, неучтенных бюллетеней могло быть сотни и тысячи, и они, помеченные «птичкой» напротив известной фамилии, тайно закладывались в ящики для голосования. Эти ящики в Беларуси любят выкрашивать в красный цвет (или драпировать красным ситцем либо бархатом). Неистребимая любовь к красному сохранилась у организаторов избирательных кампаний с коммунистических времен. С тех времен осталось немало и красных ящиков, особенно на периферии и особенно маленьких, переносных, используемых для так называемого голосования на дому.

Такой ящичек нашел недавно один сельский учитель. Нашел в лесу, куда пошел за грибами. Ящичек был пустой, с оторванной крышкой, которую обнаружить не удалось. Принадлежность ящичка к выборам не вызвала сомнений. Кто нормальный, кроме запуганного местного чиновника, станет обтягивать фанеру красной материей!

ЭТО ТИПОВОЙ БЕЛОРУССКИЙ КРАСНЫЙ ЧЕРНЫЙ ЯЩИК.

Даже пустой, он несет в себе массу информации, ассоциаций, параллелей, воспоминаний. Приступим к расшифровке бортового самописца Беларуси, летящей в пропасть.

В Беларуси, в деревне Пески, в двадцатом веке жили-были Маня Первая и Маня Вторая. Обе имели одинаковые фамилии, имена, отчества. Царские титулы-приставки жаловала полным тезкам-Мариям почтальонша, чтобы не перепутать письма, адресованные им.

Корреспонденцию Мани Первой я не видел. А письма, пришедшие Мане Второй, с ее позволения читал: из районного отдела социального обеспечения, из сельского совета, из Украины от дочки. Официальные и неофициальные лица, состоящие с Маней Второй в переписке, рекомендации почтальонши выполняли. Да и родная деревня звала обеих Мань только по-царски, забыв простонародные имена.

Познакомился я с Маней Второй в 1980 году будучи в Брестской области в командировке. Подошла маленькая сухонькая старушка. Мы присели на скамеечку. "Помоги, сынок, выхлопотать пенсию", — успела она произнести и заплакала. Слезинки скоро-скоро, как весенняя капель, падали в галоши, надетые на босую ногу.

Мане Второй было 66 лет. С 1949 года, со дня образования в деревне Пески колхоза имени Калинина, она работала, как говорят, куда пошлют, на официально-колхозном жаргоне — "полеводом". Продолжала выходить куда пошлют и по достижении в 1969 году пенсионного возраста. На момент нашей встречи непрерывный трудовой стаж Мани Второй составлял 31 год. Тридцать один год она своими руками крепила государство, но не заслужила пенсии. Я не поверил и отправился в сельский совет.

Председатель сельсовета сообщил, что Маня Вторая врет. Ее трудовой стаж документально не подтвержден. То ли в колхозе не велось нормального учета, то ли сама виновата, потеряла бумаги. "А свидетели! Они же могут подтвердить, что в 1949 году она вступила в колхоз имени Калинина и с тех пор на коленях полола его бураки, вилами грузила его навоз, граблями сушила его сено." — "Могут, — согласилась советская власть. — Но кто должен их искать и опрашивать? Ей надо -- пусть побеспокоится. Таких Мань в каждой деревне по две-три штуки. Сельсовет платит им социальную пенсию девять рублей. Полгода платит, год нет. Бюджет совета не резиновый. Ну да ладно! Раз эта старая б...ь пожаловалась в газету, на свой страх и риск дам ей девять рублей." — "Почему вы так обозвали бедную старушку?" — "Ха-ха, старушка! Разве в деревне вам не рассказывали, что она с собственным сыном вытворяет? Это же мусор общества, отбросы человечества."

Сын Мани Второй, Петр, жил в деревне Пески, на другом конце. Женился, отделился, нажил двоих детей и запил. Вечером пил, к утру отходил, плелся в колхозные мастерские, где слесарил, к вечеру напивался. Обычный круговорот мужчины в деревне.

Жена взяла детей, ушла к своей матери в соседнюю деревню. Оставшись один, Петр уже не просыхал. Получал в кассе колхоза девяносто рублей, приносил матери пятерку: на, мать, на хлеб, а то пропью. Маня Вторая шла в магазин, меняла рубли на копейки. Знала, что скоро сын пропьет получку и придет к ней требовать пятерку. Она не отдаст. Он станет ее колотить. Но она не отдаст, хоть режь. Он начнет искать, перероет всю хату. Найдет и пропьет.

Назавтра Маня Вторая будет семенить по деревенской улице к хате сына. Под глазами у нее синяки от вчерашних побоев, в руках — тряпица, в тряпице — хлеб. Мать знает, что у сына хлеба ни крошки.

Когда Маня Вторая семенила к сыну, женщины смотрели в окно, говорили: "Опять пошла, курва!" Видели, как однажды поздно вечером Маня Вторая бежала от сына в ночной сорочке. Доярки шли из фермы, она неслась как дурная курица. Соседка рассказывала, что Маня Вторая голосила всю ночь. Деревня предположила, что сын изнасиловал мать.

Предположение переросло в утверждение, когда их увидели в лесу. Пошли по грибы, и там... Не подумала голосить, курва. У них это по согласию. Вот почему она не вылезает из церкви, каждое воскресенье — в церковь. Замаливает грех. Такой грех Бог не простит. Дочка от позора в деревне не появляется. Пришлет матери рубль и знать ее больше не хочет.

В набожности Мани Второй я имел возможность убедиться. Я нелестно выразился о власти, которая оставляет выработанного человека на произвол судьбы. Реакция Мани Второй ошеломила. "Не греши на власть, сынок! — Начала судорожно креститься, подбородок ее задрожал. — Хлебушко дешевый и хорошо. За пять рублей кормлю Петю, сама кормлюсь при нем. Не обижай власть. К этой власти я добавлю ягодку, найду в лесу грибок — и живу. Похлопочи в Минске про пенсию. Мне хватит десять рубликов. Куплю Пете рубашку, куплю штаны. Мне ничего не надо от власти. Не греши на власть, сынок!"

Если бы не слезы жалости, перекосившие мое лицо, я возненавидел бы ее за животный испуг, за нечеловеческое почитание нечеловеческой власти.

Три года я был в переписке с государством по поводу выживания полевода Мани Второй и сына ее тракториста Петра. В 1983 году райсобес назначил ей пожизненную так называемую социальную (не трудовую!) пенсию в 39 рублей. Билет на автобус от столицы до деревни Пески стоил 6 рублей. Буханка хлеба — 20 копеек.

6 февраля 1989 года собкоры союзных газет экстренно позвали в Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии. Собрали в зале,

где заседало бюро ЦК. Вошел Первый секретарь Ефрем Соколов, уколол журналистов нахмуренными бровями белесого колера, начал речь, по-ленински произнося "р" и по-белорусски — все остальные буквы русского алфавита:

"Что пишут авторы в центральной прессе о республике — вы знаете. Мне кажется, они хотят расшатать экономику Советской Белоруссии, подорвать авторитет партии. Причем, целенаправленно. Создать мнение, что здесь анархия, что здесь надо создать новую власть. По-моему, этим делом кто-то направляет. Это целенаправленное наступление на Советскую Белоруссию.

Это — сукины дети, которые создали себе кормушку, занимаются грязной работой. А ведь можно многое сделать. Ведь перестройку мы осуществляем без всякой теории. Мы впотьмах. Одни говорят: хорошо народный фронт. Другие — еще одна форма. А стержень наш — в партии. Цементирует все парторганизация, как бы кто ни пытался осудить. А народ не воспринимает этих клеветников.

Вот был я в Брестской области. Если они меня выдвинули в депутаты, то как я могу отказываться? Меня люди там знают. Вопрос мне задает один: а почему ты балотируешься по округу один? Я: а почему ты не выдвинул себя? Он: я был в отпуске. Я: а почему ты поехал в отпуск, зная про выдвижение? Я не стремлюсь всем нравиться. Если бы всем нравился, я уже не был бы первый секретарь.

Слушаю выступления кандидатов в депутаты по телевидению. Обо всем говорят. А как ты думаешь обеспечить жильем? Как обеспечить питанием? Как оздоровить экологическую обстановку? Не говорят. Лишь создать оппозицию. Подрывают. Отрывают реальную жизнь от человека, от общества. Но народ-то правильно воспринимает..."

Я слушал начальника страны Ефрема Первого — и вспоминал забитую крестьянку Маню Вторую. Она с овечьим испугом крестила меня, чтобы не грешил на власть. Он с бараньей демагогией убеждал меня, что народ все правильно воспринимает. Они были из одного стада.

Ефрем Первый баллотировался в народные депутаты в деревне Мани Второй. В его избирательном округе жили тысячи Мань. Их свезли в колхозный клуб, зачитали резолюцию, составленную в райкоме партии, заставили единодушно поддержать, послали в республиканскую газету. Читаю:

"Признаем КПСС ведущей политической силой страны, а общественно-политическую структуру государства проверенной на практических делах. Мы не против многопартийности, мы за плюрализм мыслей, но мы категорически

против очернения идей социализма, дела Ленина. Товарищ Соколов, сейчас наступило такое время, что нужно решительно действовать. В цивилизованных странах мира никакая политическая партия добровольно власть не отдает."

25 февраля 1990 года в Минске на площади Ленина собрались 100.000 человек. Митинг организовал Белорусский народный фронт. Говорили о чернобыльской беде, называли виновников ее замалчивания. Политику власти характеризовали как антинародную. Приводили факты.

На митинге выступил и Первый секретарь ЦК Соколов. Его освистали, демонстративно повернулись к нему спиной. Он пошел на телевидение, через эфир обратился к Мане Второй:

"Сегодня состоялся несанкционированный... а, да, простите! санкционированный митинг в Минске. На нем присутствовало где-то 12-13 тысяч человек. Я присутствовал там. И нахожусь в полном разочаровании. Ни один выступающий с этой трибуны не выразил какие-то свои соображения по отношению к большим или малым проблемам, которые на сегодняшний день волнуют народ Советской Белоруссии. Не были подняты с той стороны, с которой надо поднять, и вопросы нашей экономики, в том числе промышленности, строительства, народного образования, социально-экономические вопросы, вопросы здравоохранения, языка и так далее. Не была в нужном плане вырисована и наша особо важная беда, которой мы постоянно живем, — это проблема ликвидации последствий чернобыльской аварии. Если это как-то и поднимали, один из этих вопросов, или какие-то другие, то все поднималось в плане осуждения, в плане какого-то нагнетания, в плане того, чтобы, скажем, сказать, что вот все виноваты, и только надо всех или отдельных, исходя из их виновности, привлекать на сегодняшний день, это самое, к ответу. Конструктивных предложений не было. Я целиком и полностью отметаю все ихние нагнетания..."

Непостижимо, но Маня Вторая уловила мысль Ефрема Первого! Мой компьютер речь Соколова полностью подчеркнул как безграмотный текст, как алогичный набор слов и предложений. Компьютер не понял, а Маня Вторая поняла все. Подцензурный эфир соединил интеллекты Ефрема Первого и Мани Второй, а председатель сельского совета оформил их политический брак.

4 марта 1990 года председатель, празднично одетый, с утра выпивший за казенный счет, преодолевая брезгливость, зашел в запущенную хату Мани Второй. В руках держал маленький ящик, обтянутый красной материей. Дал хозяйке бюлетень и ручку. Показал, где зачеркнуть. Хозяйка дрожащими руками протолкнула бумажку в щель белорусского красного черного ящика.

В том ящике, как в пробирке, состоялось оплодотворение советской власти. Маня Вторая согрешила в последний раз. Ефрем Первый стал народным депутатом.

В январе 1992 года народные депутаты модернизировали закон о пенсиях. Вспомнили кризис, инфляцию, назначили новые проценты и ставки. Сколько же положили Мане Второй?

Я позвонил в Манин сельсовет. Председатель сказал, что пенсия ей была установлена 180 рублей. На мой вопрос, можно ли прожить на столь жалкие деньги, которые даже меньше прежних, председатель ответил: если бы Маня Вторая не получала ничего, то жила бы, а так -- 180 рублей ее погубили.

180 рублей для Мани были очень большие деньги. Она не знала, что такое инфляция. Такой суммы она не держала с тех пор, как от немощности вынуждена была продать корову. Маня Вторая прятала большую пенсию от Петра особенно тщательно. Даже в сарае. Она знала, что завтра он придет.

И сын пришел к матери и потребовал деньги. За 180 рублей он мог купить три бутылки самогона. В любое время суток.

Это была опасная сумма — и для матери, и для сына. Искать пришлось дольше, чем раньше. И бить мать пришлось гораздо больше, чем обычно.

Маню Вторую оживили соседи. Слышали, как кричала, но заглянуть боялись, пока Петр не ушел за водкой.

Умерла Маня Вторая в больнице в возрасте 78 лет. Колхоз имени Калинина сколотил ей гроб и прислал грузовик для перевозки на кладбище. Дочь привезла из Украины венок. Сын Петр на похоронах отсутствовал, так как сидел в следственном изоляторе.

Суд не установил прямой причинной связи между побоями и смертью Мани Второй. Отсидев за злостное хулиганство три года, Петр вернулся в родную деревню, которая к тому времени избрала Лукашенко и успела повторить грех на майском (1995) референдуме, вернув в национальный герб сталинские колоски. Петру шел шестьдесят второй год, полагалась пенсия.

В деревне Пески обитали, словно звери, три старых холостяка, никогда не имевших семьи. Нелюдимые, они проводили дни в колхозных тракторах, после работы доставали что-либо спиртосодержащее, шли в дом Петра, на крыше которого, прямо на печной трубе, аисты свили гнездо. Допоздна оттуда неслись песни, крики. Соседи жаловались участковому. Тот пару раз приезжал, проводил с Петром беседы.

Аисты оказались терпеливее людей, чувствовали себя на крыше бомжатника нормально. Петр гнездо с трубы не сбросил, не было нужды, так

как печь не топил. Питался хлебом, овощем, консервой. Подворовывал у односельчан кур и гусей. Собирал на придорожных свалках бутылки. Летом с утра уходил в лес. К полудню выносил к шоссе то грибы, то ягоды, то ландыши. Осенью продавал яблоки, зимой — сушеный гриб. На выпивку хватало. Прочие жизненные утешения были без надобности. Ходил немый, оборванный. К его имени деревня добавила почетную приставку: Петр Вонючий.

Пенсионер Петр Вонючий получал от государства баснословную сумму — два миллиона "зайчиков". Реально не многим больше, чем покойная мать. Но он гордился нолями. У меня пенсия — 2.000.000! У тракториста зарплата — 600.000.

Хмель обострял их неравенство в нищете. Бомжи делались политиками. Петр Вонючий, взяв нож, предупреждал: "Еще раз назовешь Лукашенко х..., зарежу! Лукашенко — свой мужик, дал мне хорошую пенсию." — "Твой Лукашенко рабочего человека морит голодом," — парировал не менее вонючий холостяк-собутыльник. И тогда Петр Вонючий в порыве политической принципиальности ткнул оппонента ножом в шею. Обозначил свою, как выражаются оппозиционеры, пролукашенковскую ориентацию.

Суд определил Петру Вонючему высшую меру. Президент Лукашенко единомышленника и защитника не помиловал, потому что тоже принципиальный, семидесятипроцентноизбранный на второй срок. Он не опасается сокращения своего электората на две пылинки — Маню Вторую, умершую от сыновних побоев, и Петра Вонючего, расстрелянного государством в сыром тюремном подвале.

С уходом в мир иной Мани Второй и Петра Вонючего красный черный ящик не опустел. Там витает их дух. Там по-прежнему обитает плоть и идея Ефрема Первого. Под занавес избирательной кампании в телящике на фоне алго знамени появилось его лицо, и я услышал знакомую троянку, призывающую голосовать за действующего президента, который поведет свой народ еще дальше, еще выше, еще глубже...

2001